

ОСОБЕННОСТИ ХРОНОТОПА В ПОЭЗИИ О. МАНДЕЛЬШТАМА

Начавшийся в России на рубеже XIX–XX веков мощный ментальный сдвиг породил новую культуру. Внесение иррационализма в искусство обусловило отход от классической коммуникативной логики, повысило в искусстве общий фон знаковой насыщенности. Обращение к языку знаков и символов свидетельствовало о возвращении в культуру мифомышления, выраженного средствами авторского мифотворчества. Все это объясняет тот факт, что время и пространство в произведениях культуры Серебряного века утратило свою определенность.

Уникальное качество изменения пространственно-временных координат проявилось, в частности, в творчестве О. Мандельштама. Пространство и время (т. н. хронотоп) в его лирике, преодолевая замкнутость определенного места и времени действия, обретает новые грани и смыслы.

В поэтическом творчестве Мандельштама пространство представлено через универсальное противопоставление верх-низ, свойственное модели мира разных культур, и реализуется посредством бинарных оппозиций внешнего и внутреннего мира.

По словам Е. Завадской, "поэзия О. Мандельштама создает пространственную систему", которую определяет "сворачивание пространственного континуума". Этот феномен проявляет себя в создаваемой автором "игрушечной" модели мироздания [1, с. 27]. В стихотворении *"Сусальным золотом горят"* границы внешнего мира четко очерчены по горизонтали – рядами рождественских елок, а вертикальное пространство замыкается границами

небосвода: *"Сусальным золотом горят / В лесах рождественские елки"; "...И неживого небосвода / Всегда смеющийся хрусталь"* [2, с. 3]. В этом игрушечном мире демиургом становится сам человек: *"Есть целомудренные чары: / Высокий лад, глубокий мир, / Далеко от эфирных лир / Мною установленные лары"* [2, с. 4], он и творит собственную мистерию жизни: *"Иных богов не надо славить: / Они как равные с тобой: / И, осторожной рукой, / Позволено их переставить"* [2, с. 5].

Важнейшей характеристикой пространства является одушевленность: *"У тщательно обмытых ниш, / В часы внимательных закатов / Я слушаю моих пенатов / Всегда восторженную тишь"* [2, с. 5].

Небо в поэтическом мире Мандельштама – носитель амбивалентных качеств (стихотворение "Слух чуткий парус напрягает"). Соединительным звеном между землей и небом является образ лирического героя: *"Я так же беден, как природа, / И так же прост, как небеса"* [2, с. 8]. Это свидетельство антропоцентричности пространства в поэзии Мандельштама.

С образом неба связан мотив смерти: *"Я вижу месяц бездыханный / И небо мертвенней холста"* [2, с. 8]. Пустота небесного пространства подчеркивается образом снятого колокола: *"Что мне делать с птицей раненой? / Твердь умолкла, умерла / С колокольни туманенной / Кто-то снял колокола"* [2, с. 10]. Земной топос здесь лишен каких-либо явных примет, в котором вещи лишь называются, но лишены вещественности. Таков образ белой башни, которой на самом деле не существует: *"И стоит осиротелая / И немая вышина – / Как пустая башня белая, / Где покой и тишина"* [2, с. 10].

Таким образом, у Мандельштама небо вызывает ассоциации со смертью, пустотой, одиночеством: *"Я вижу месяц бездыханный / И небо мертвенней холста"* [1, с. 8]. Именно поэтому герой Мандельштама постоянно выясняет свое отношение к небу и с небом. С образом неба у Мандельштама связывается мотив немоты: *"И стоит осиротелая / И немая вышина"* [1, с. 10].

Столкновение с небом вызывает и физическую боль. В стихотворении *"Я вздрагиваю от холода"* образ звезды связывается с чем-то острым, коллошим и имеет отрицательную оценку со стороны лирического субъекта: *"Что, если, вздрогнув неправильно, / Мерцающая всегда, / Своей булавкой заржавленной / Достанет меня звезда?"* [2, с. 13]. Поэтому в стихотворении *"Я ненавижу свет однообразных звезд"* появляется мотив ответного удара: *"Кружевом, камень, будь / И паутиной стань: / Неба пустую грудь / тонкой иголкой рань!"* [2, с. 14]. Камень противостоит пустоте неба, он является основой не только всех физических построений, но и ментальных построений. У Мандельштама это символ мировой культуры и архитектуры, в центре которой стоит человек.

В роли первоосновы в поэтической вселенной Мандельштама может выступать и бездна: *"Из омута злого и вязкого / Я вырос, тростинкой шур-*

ша" [2, с. 8]. Земная жизнь сжимается до какого-то неопределенного мгновения ("И никну, никем не замеченный, / в холодный и топкий приют..."), а все внимание уделено лишь рождению и смерти ("Я вырос" и "Я никну"). В стихотворении "В огромном омуте прозрачно и темно" появляется мотив всплывания и погружения на дно, который можно рассматривать как процесс рождения и умирания: "... А сердце, отчего так медленно оно / И так упорно тяжелеет? / То всею тяжестью оно идет ко дну, соскучившись по милому шле, / То, как соломинка, минуя глубину, / Наверх всплывает без усилий" [2, с. 9].

Высота у поэта в сборнике "Tristia" имеет свойство одушевленности. Воздух выступает как стихия, соединяющая божественный верх и землю, и актуализирует идею пришествия Бога: "С висячей лестницы пророков и царей / Спускается орган, Святого Духа крепость" [2, с. 53]. Кроме того, воздух становится проводником божественных свойств: "Я христианства пью холодный горный воздух" [2, с. 53].

Мандельштама больше интересует вещный мир и заполняющие его материальные конструкции.

Творящее начало Мандельштам устанавливает в самом человеке. Поступат "Я и садовник, я же и цветок" в стихотворении "Дано мне тело..." позволяет рассматривать человека как тело абсолютного субъекта, представляющее единство телесной и духовной субстанций. Телесность у Мандельштама объективируется в модус абсолютной реальности.

В системе пространственных построений О. Мандельштама выделяется также городской топос. Модус городского существования чаще всего у него наделяется элементами ирреальности, например, в стихотворении "Я не слышал рассказов Оссиана".

Город в изображении Мандельштама, как правило, выходит за рамки ирреальности, его отличает большая топографическая объективность. И, тем не менее, в качестве объединяющего признака в репрезентации локуса города у Мандельштама можно выделить его включение в некий культурный универсум и установление в нем собственного внутреннего времени. Так, например, в топосе современных Мандельштаму Москвы или Петербурга возникают приметы античности, которые рассматриваются поэтом с позиций актуального настоящего (стихотворения "В Петрополе прозрачном мы умрем", "Когда в теплой ночи замирает").

Концепция времени у Мандельштама реализует разные смысловые потенциалы. Как известно, Мандельштам до конца жизни оставался верен идеям французского философа А. Бергсона о времени как чистой длительности, предполагающей взаимопроникновение прошлого и настоящего. Бергсоновское понятие длительности становится концептуально значимым для

художественной проблематики времени у Манделъштама. Развивая идею о внутренней связи явлений, он использует бергсоновский образ веера. Благодаря этому образу Манделъштам выражает собственную концепцию времени, согласно которой взаимопроницаемо делятся прошлое, настоящее и будущее. Потому "языком" поэта становится античность. Он постоянно узнает в сегодняшнем дне день античный.

Сплав в одной точке осязаемого настоящего примет древности и современности – это попытка воскресить ушедшее. Для того чтобы подчеркнуть прошлое в настоящем, Манделъштам утверждает: *"Вчерашний день еще не родился"* [1, с. 70]. Для него не имеют значения исторические Овидий, Цезарь или Август – для него важнее классики, живущие по-новому и в настоящем.

Следует отметить, что в круговорот времени у Манделъштама вовлекаются не все события подряд, а лишь явления культуры.

Интересно то, что у Манделъштама очень важен именно элемент внешнего восприятия, так как только в актуальном настоящем он узнает реалии ушедшего. У поэта прошлое заново творится в настоящем и открыто в будущее.

Таким образом, высшей ценностью у Манделъштама является земля, небо наделяется лишь физическими характеристиками, а прошлое творится в настоящем и открыто в будущее.

Литература

1. *Завадская, Е.В.* В необузданной жажде пространства (о поэтике странствий в творчестве О. Манделъштама) / Е.В. Завадская // Вопросы философии. – 1991. – № 11. – С. 16–27.
2. *Манделъштам, О.Э.* Стихотворения / О.Э. Манделъштам. – М.: Республика, 1992. – 575 с.